

МАРИЯ
РОМАНУШКО

ОЎ, ТАМ,
НА ЛЕТАЮЩЕЙ СОСКЕ!

Мария Романушко

Эй, там, на летающей соске!

«Издательские решения»

Романушко М.

Эй, там, на летающей соске! / М. Романушко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512291-9

Книга о тайнах детства, о счастье материнства, и о том, как это счастье ежечасно подвергается самым жёстким испытаниям. О том, как можно дойти в отчаянье до самого края — и уцелеть, не выпасть из круга света. Благодаря вере и любви. Действие книги происходит в Москве в 1989—1990 годах.

ISBN 978-5-00-512291-9

© Романушко М.
© Издательские решения

Содержание

Перебирая ещё не успевшие пожелтеть записки	6
Иксик	27
Дорога домой	27
Первая ночь дома	30
Цепь чудес	31
Милый Иксик...	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эй, там, на летающей соске!

Мария Романушко

© Мария Романушко, 2020

ISBN 978-5-0051-2291-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перебирая ещё не успевшие пожелтеть записки

Глава первая

«Сынок! Не скучайте тут без меня. Скоро будем опять вместе. Скоро будет та-а-ак весело!.. Мама.»

Это – ДО.

ПОСЛЕ действительно было весело.

После – то есть СЕЙЧАС...

А между ДО и ПОСЛЕ была целая жизнь. Дюжина дней – как дюжина лет.

Тёплый пушистый снег, под которым мы с тобой прощались. А до этого – дома, – с перепуганным Антошей. Он боялся за меня и боялся, что я увижу, что он боится, и потому отводил взгляд. «Молись за меня», – попросила я. «Конечно». – «И я за тебя. Каждый вечер. Как всегда, перед сном». Мы поцеловались, я привстала немного на цыпочки, он слегка наклонился ко мне. Мой растущий сын...

Потом был тёплый пушистый снег, мягко падающий на лицо, и мы с тобой – тихо бредущие под этим снегом к мягко хлопающей двери, которая должна была разделить нас, отделить тебя от меня, вернее: тебя от тебя, меня от меня, разделить целое на две половины – зачем? По чьей прихоти? Почему нельзя вместе до конца? Почему где-то там – далеко, не у нас – можно, а здесь – нельзя, и не просите, и не требуйте, бесполезно, лишняя трата нервов.

Я войду, ты останешься здесь. Снег, снег... И твои слова, такие необходимые мне, которые ты неутомимо, как молитву, твердил мне все эти долгие месяцы: «Всё будет хорошо. Всё будет хорошо! Вот увидишь: всё будет хорошо». – «Увижу... Скоро уж увидим...»

«Любимые мои мальчики! Устроилась нормально. Чувствую себя хорошо. Я спокойна, я совершенно спокойна, я плыву по течению... Плыву – и вижу вас, мои любимые, вижу потрясающее небо за окном, и старомосковские крыши в снегу... А совсем рядом – наша Крыша! Её близкое присутствие озаряет этот уголок Москвы особым светом. И я знаю, что всё будет хорошо! Мне кажется, я уже об этом знаю.»

«За окном всё время качается отчаянно берёза... И мне чудится, это Антончик взбирается на неё – и я вот-вот увижу его в окне...»

«Спасибо за цветы! Несмотря на мороз, они доехали прекрасно. Они пахнут снегом и нашими цикламенами. Нашей зимой и нашим домом... Соскучилась по вас!»

Неделя ожидания. Скрашенная записочками, письмами, долгими взглядами и улыбками – сквозь замороженное окно... Вдруг ударили сумасшедшие морозы.

О, как далеко ты внизу – там, под деревом, у заиндевелой решётки ограды, пританцовываешь на скрипучем снегу. А я здесь, вверху – закупоренная в жаркой духоте палаты, как глиняный сосуд в раскалённом муфеле. Тебе холодно, мне жарко.

Нам обоим холодно и жарко при мысли: как оно всё будет?..

В один из вечеров ты принёс из дому монокуляр, нашу маленькую подзорную трубу, через которую мы обычно смотрим на звёзды с нашей лоджии и на ледяную гору в соседнем дворе, куда убегает Антончик с картонкой или санками; а ещё на Куркинскую церковь, которая

пасхально белеет на горизонте... Ты смотрел на меня в монокуляр, а я радовалась и смеялась, и ты видел: я спокойна и мне совсем не страшно.

Но страшно – было. Чем завершится это томление в жарком терему с замороженными окнами?..

«Как вы там, мальчики мои любимые? Я о вас всё время думаю, я с вами, рядышком, каждую минуту...»

Здесь у медперсонала странная манера: выкликать нас не по фамилиям (и уж, конечно, не по именам!), а, как эков, по номеру. (По номеру койки). «Семьдесят девятая, на укол!», «Восемьдесят шестая, тебе письмо». Восемьдесят шестая – это я...»

В тугом конверте, вместе с письмом, журнал с моей повестью и десять страничек компьютерной распечатки. Ты пишешь: «Получился отличный рассказ». Рассказ? Я и не думала, что получится рассказ. Писала письмо вам (думала временами: может, прощальное? и ругала себя за пессимизм). Письмо это я торопливо заканчивала в то утро, когда ты побежал за такси, чтобы везти меня сюда. Ты голосовал на снежном перекрёстке, а я быстренько-быстренько его дотюкивала на нашем стареньком компьютере. Ни распечатать, ни прочесть не успела. Так что сегодня читаю его первый раз и страшно волнуюсь...

«Вишнёвая косточка, или Пока мы с тобой одно

...Мы сидели на Старом Арбате, на новом Старом Арбате, на котором кипела многоликая – не то, чтобы весёлая, но и не скучная – жизнь, во всей своей слегка натужной пестроте... Был апрель. Тёплый, почти жаркий вечер. А всего неделю назад шёл снег!.. Кажется, это его – последние, не успевшие растаять хлопья нежно и призрачно белеют на тонких ветвях маленькой вишни во двореке напротив...

Мы сидели под лёгким ярким тентом летнего кафе, каких теперь пруд пруди на Старом Арбате, и ели мороженое. Сверху мороженое было украшено ледяными и хрустящими, как сосульки, вишнями. Три вишни в твоей вазочке, и три – в моей.

Вокруг кипела немного наивная в своей нарочитой многозначительности жизнь, что-то бурно обсуждала молодая компания, присевшая за соседний столик, а мы не спеша лизали своё мороженое, изредка переглядываясь и улыбаясь *своему*.

«А вдруг?..» – спросила я тебя шёпотом. (Хотя можно было и не шёпотом: ведь мне казалось, что сейчас на этой шумной улице, да и в целом городе, нас только двое). «Почему, собственно, и нет?» – ответил ты тоже шёпотом. И сильно и нежно сжал мою руку. Сердце моё колотилось. Лицу было жарко. «Действительно, – подумала я, – почему бы и нет?..»

За щекой у меня колючим льдистым шариком – вишня, последняя из трёх. Я с блаженством дососала её морозную мякоть; а косточка так и осталась за щекой.

Косточка была маленькой, удивительно крепкой и нежной. И я загадала...

Так – с вишнёвой косточкой за щекой – я шла потом с тобой по Арбату, залитому ярким закатным солнцем... Мы шли по солнечной стороне, подставив лица под эти блаженные потоки тепла и света, шли, ничего не замечая вокруг себя, – почти наощупь... Мы шли, держась за руки, – как когда-то, как семнадцать лет назад, когда мы впервые гуляли с тобой по Арбату. Правда, тогда это была совсем другая улица. Но также слепило солнце, и мы были – те же...

Только теперь мы на семнадцать лет... нет, не старше, – моложе! Тогда – мы не верили в чудо. Не верили, что у нас есть будущее. Теперь – мы жили в этом сказочном будущем. Теперь – верили. А те двое, бредущие по Арбату семнадцать лет тому назад, из нашего сегодня казались нам угрюмыми старичками... Бедные, бедные! и как они выжили, не ведая, как щедра на чудеса жизнь?..

Так – с вишнёвой косточкой за щекой – я и приехала домой. (Помнишь, какой был потрясающий закат над Москвой, когда такси, лёгкое, как пух, несло нас по распускающимся улицам, словно подёрнутым зелёной дымкой?..) Я ничего не сказала тогда тебе про свою заветную вишнёвую косточку и спрятала её до поры-до времени в маленькую шкатулку, где у меня хранится самое-самое... «Потом, – сказала я сама себе. – Потом. Если произойдет и *это* чудо... Потом скажу».

* * *

...И вот – декабрь...

Я смотрю из окна на улицу, всю запушённую праздничным инеем (никогда в жизни я не ждала с таким нетерпением зиму: иней, холода, первый снег!) Только что я взглянула на вишнёвую косточку. Взглянула впервые с того апрельского вечера. Косточка на месте и – цела.

Декабрь...

Последние восемь месяцев нашей жизни живут во мне как НЕЧТО единое и неразделимое на месяцы и дни. Месяц, приходящий на смену предыдущему, не затмевает его – а лишь обостряет, усиливает, углубляет... Как новый мазок на картине.

* * *

...Я лежу на лоджии, смотрю в лёгкое майское небо, закиданное нежными серебристыми сугробами облаков, и разговариваю с тобой. С тобой – нашей Нечаянной Радостью. Тебе сегодня – шесть недель. И... почти восемь месяцев до твоего появления на свет.

Взяла блокнот, расписала грядущие восемь месяцев; что надо успеть сделать: написать, закончить и т. д.

А сама ничего не делаю вот уже неделю – с того дня, как окончательно стало ясно: ты во мне, ты есть, и я с тобой ни за что не расстанусь!

Нет, всё-таки кое-что я сделала: дописала главу в новой повести; вычитала свою первую повесть. Но надо работать много, надо много успеть – успеть всё то, до чего *потом* руки долго-долго не дойдут...

А настроение такое странное, что не работается: хочется или дремать блаженно, сквозь сон прислушиваясь к тому, что происходит у меня внутри, – или смотреть в небо: утреннее, полдненное, вечернее, – и думать о тебе...

В небе носятся ласточки. Они быстро-быстро машут крылышками; хочется сказать: моргают крылышками... Вернее: хочется сказать: «*Видишь*, как они моргают крылышками? Видишь?» Наверное, видишь... Через меня. Моими – нашими – глазами.

А во мне – тихо-тихо... Как-то всеобъемлюще ТИХО. Так тихо во мне никогда ещё не было. Ни тринадцать лет назад, когда я ждала Антошу. Ни четыре года назад, когда ждала нашу девочку... Девочку, которая так и осталась без имени... В те разы – всё было по-другому. Совсем по-другому.

Тихо-тихо... И в этой тишине... *посреди* этой незнакомой, блаженной тишины словно бы распускается невиданной красоты цветок... Белая Роза! Я чувствую в себе это белоснежное, это кружащее голову распускание...

* * *

Интересно, как к этому отнесётся Антон? По-моему, он уже догадывается. То и дело так странно взглядывает на меня. Такие быстрые, смущённые, вопросительные взгляды... Я теряюсь. Я пока не нахожу слов. Я боюсь сглазить. Боюсь опять – как четыре года назад – пообещать и – не оправдать его надежд...

«Чуть-чуть попозже... – говорю я себе, – через месяц, когда уже можно будет надеяться...»

...Помню: Господи, как же ты ждал четыре года назад нашего маленького! Сколько разговоров об этом было, сколько вопросов!.. Ты высчитывал месяцы, высчитывал дни, ты сгорал от нетерпения, ты собирался вести дневник о НЁМ (или – о НЕЙ), ты собирался выпускать ежедневную газету. «Сколько новостей каждый день будет!..» – захлёбывался ты от восторга, от счастливых предчувствий. И была весна...

...Помню: мы гуляем в октябрьском сквере, шуршим сухой кленовой листвой. Мы бредём, взявшись за руки, по золотому сверкающему морю и молчим. Господи, как же нам нестерпимо грустно в этом сверкающем, многоцветном мире. Я знаю, о чём думаешь ты. Ты знаешь, о чём думаю я. Говорить – больно и трудно. И всё же я не выдерживаю твоего скорбного молчания. Осторожно спрашиваю: «О чём ты думаешь, сынок?»

Ты отрываешься не сразу.

– Я думаю... – говоришь ты едва слышно, с трудом пересиливая невозможность говорить об этом. – Я всё думаю... какой бы она была?..

Мы стоим посреди жёлто-красного, нестерпимо горящего на солнце, моря... Больно глазам. Больно сердцу. Только бы не разрыдаться.

Какой бы она была?.. Наша девочка – которая ни разу не улыбнулась нам. Которую ты так и не увидел. Наша девочка... Которую ты не успел назвать сестрой.

Сынок, милый, когда-нибудь ты узнаешь, что с нами – со мной *и с нею* – произошло месяц назад. Когда-нибудь я расскажу тебе, что значит побывать в руках инквизиции. Да, да: инквизиции! По-другому не скажешь. Но – не сейчас. Сейчас – нет сил, слишком близко ещё всё...

Мы стоим посреди шелестящего октябрьского моря... Ты смотришь на меня своими тёмно-золотистыми печальными глазами. Нет сил выдержать этот взгляд.

«Родной мой, она вернётся!» – я обнимаю тебя, маленького и скорбного, прижимаю к себе крепко-крепко. – «Слышишь?» – «Слышу...» – «Я обещаю тебе. Ты веришь мне?» – «Верю... А когда она вернётся?» – спрашиваешь ты. «Не знаю, милый. Может, и не скоро... Но обязательно вернётся! А мы будем верить и ждать. Верить и ждать. И она услышит нас – и вернётся, вот увидишь!»

Ты поверил мне. Я сама поверила себе!

* * *

В ту осень тебе было девять лет. Сейчас – тринадцать. Тогда ты ещё сам был ребёнком. Я наклонялась, чтобы поцеловать тебя в затылок. Ты обожал малышей, и все малыши нашего двора обожали тебя...

Сегодня ты – почти юноша. И мне уже приходится становиться на цыпочки, чтобы поцеловать тебя в щеку. На которой уже появляется первый пушок... У тебя появились приятели-ровесники, и ты потерял интерес к маленьким. Всё чаще теперь я слышу от тебя: «Малыши такие неприятные... Всё время пищат».

Как же тебе сказать? И как ты отнесёшься к *этому* – теперь?..

Но отмалчиваться дольше – невозможно. Твои взгляды всё удивлённее. «Мама, ты какая-то странная стала...» – Почему странная? – «Ты раньше такая худенькая была...» – Просто это у меня юбка такая, – говорю я как можно непринуждённое. – Такой фасон: цыганская юбка... – и смеюсь.

Веришь ты мне – или не веришь?

...И вот настаёт день, когда я, набравшись духу, говорю тебе:

– Я хочу тебе открыть один большой секрет.

– Секрет? – ты быстро взглядываешь на меня и... краснеешь. – А зачем? какой секрет? – говоришь ты, потупляясь в тарелку. (Разговор происходит за обедом. Я только что вернулась от врача, который мне сказал, что самый опасный срок миновал – и можно надеяться...)

– Секрет, о котором ты, по-моему, уже догадываешься... – говорю я, обмирая при каждом слове.

Ты опять быстро и смущённо взглядываешь на меня:

– Это... про «цыганскую юбку»?

– Про «цыганскую юбку».

Мы смотрим друг другу в глаза и – облегчённо смеёмся...

И вдруг – вновь потупившись в тарелку – вопрос. Вопрос, которого я никак не ожидала. Какой-угодно – только не этот.

– А... зачем ты это сделала?

И – взгляд в упор. Уже без смеха, уже без улыбки. Я на несколько мгновений (которые нам обоим кажутся бесконечными) лишаюсь дара речи.

Наконец, справившись с собой, я говорю:

– Чтобы выполнить обещание, данное тебе четыре года назад.

– Какое обещание? Я не помню, – говоришь ты изумлённо.

– Неужели не помнишь? Ну, той осенью... когда погибла наша девочка, твоя сестра...

Помнишь, я пообещала тебе, что она вернётся?

– Не помню... – искренне говоришь ты. – Это так давно было.

– А я помню. Все эти годы помнила... Ты же знаешь: я всегда выполняю свои обещания.

– Это так... – говоришь ты. – А откуда ты знаешь, что это – она?

– Я не знаю. Может, *он*. Откровенно говоря, мне даже кажется, что на этот раз – *он*.

Но разве это так уж важно?..

– Нет, конечно...

В комнате надолго воцаряется молчание. Я вижу, как тебе непросто. (А разве мне было просто, когда я узнала?) Молчание затягивается, и мне становится не по себе.

– Ты не рад? – робко спрашиваю я.

– Не знаю... – пожимаешь ты плечами. – Всё это как-то...

Ты ищешь подходящее слово – и не можешь его найти. А я вдруг понимаю, *что* ты хочешь сказать. Ты хочешь сказать: «Поздно». И ты действительно грустно произносишь:

– Я уже вырос. Такая огромная разница в возрасте. Что у нас может быть общего?

– Что общего?.. Жизнь. Наша жизнь.

И я начинаю горячо убеждать тебя, что тринадцать лет (точнее – четырнадцать, ведь к *его* приходу тебе уже будет четырнадцать) – это не такая уж большая разница. «Разве ты чувствуешь, что у нас с тобой разница двадцать пять лет? Разве эти двадцать пять лет мешают нам быть друзьями и жить общей жизнью?» – «Нет, конечно!»

...И вечером, перед сном, сидя рядом с тобой на диване, держа тебя за руку и глядя на огромную рыжую луну, висящую над самой лоджией (ты спишь на лоджии), я продолжаю убеждать тебя, что четырнадцать лет разницы – это не огорчение, а – благо. Я рассказываю

тебе множество историй, когда брат и сестра были по-настоящему душевно и духовно близки именно благодаря большой разнице в возрасте.

– Представляешь, ты будешь для него (или для неё) проводником в этом мире! Самым главным авторитетом. Господи, да я всю жизнь мечтала иметь такого брата, как ты! Сильного, умного, ничего не боящегося. Только мне было не дано... Ты, миленький, даже не осознаешь ещё, какая замечательная роль тебе уготована!

И ещё долго говорили мы... А луна, как красный китайский фонарик, огибала нашу лоджию, нежно подсвечивая виноградные лозы, ползущие по перилам. Твоё, такое детское в темноте, лицо.

Ты уснул успокоенный и ободрённый... Сегодня ты уснул не просто моим единственным сыном, а – старшим братом. Старшим братом того, кого мы отныне ждём не втайне от тебя – а вместе с тобой.

* * *

...Восемь месяцев не прекращается цветение в моём изголовье. На маленьком столике у постели.

Просыпаясь, я тут же окунаюсь взглядом в цветущие кущи...

Наверное, за всю мою предыдущую жизнь не было у меня столько цветов – как в эти восемь месяцев...

Всё, что в эти восемь месяцев расцветало на земле, – ты нёс мне, любимый. Мне и нашему малышу. Нашему загадочному Мистеру Иксу. Нашему Иксику, как ласково называем мы его между собой.

Парад Цветов открыли нарциссы и фрезии. Их сменили тюльпаны и сирени... Охапки белой, лиловой и сиреневой сирени целый месяц, даже дольше, день и ночь кружили мне голову своим глубоким, как ночь, звёздным ароматом, – уводящим в неведомое, вселяющим надежду на невозможное... И сияли в сумерках светлой летней ночи белые и голубые ромашки, и будили по утрам прохладным дыханием пионы, и розы, и георгины, и весёлый цветной горошек, и бархатцы, и ласковое солнце ноготков... Обо всех – о каждом! – мне хотелось бы написать целый рассказ, или стихотворение. Всех впитала в себя, вобрала в себя, выпила – как волшебное вино...

Цветы, принесённые тобой, милый, вливали в меня силу. Крепили надежду.

«Скажи, что всё будет хорошо!» – «Конечно же, всё будет хорошо, любимая!» Наша ежевечерняя молитва. Мольба. Обещание друг другу.

И я засыпала, погружившись взглядом и душой в цветущий райский сад... «Всё будет хорошо».

* * *

А помнишь, любимый, красную гвоздику на снегу?..

Был апрель, воскресенье, весь день мела, не утихая, метель... Она спеленала глухими белыми ласковыми пелёнами весь мир. Мы вышли продышаться на безлюдную мохнатую улицу... Было тепло, пушисто, ласково. И – ни души вокруг. Мы долго шли по пустой аллее, и метель, смеясь, превращала нас в два пушистых кокона...

А на обратном пути, уже подходя к дому, на белой безлюдной тропинке, мы увидели... красную гвоздику! Ярко-красную гвоздику – на белом-белом снегу. И не одну, – а с бутоном! Ты поднял с тропинки неведомо кем брошенный нам под ноги подарок, и мы принесли его домой. И поставили в воду. Ярко-красную гвоздику с тугим бутоном. «Словно детёныш», – сказал кто-то из нас.

И мы ещё не знали, что чудо (то чудо, на которое мы уже не надеялись) уже свершилось!.. И что не зря, неспроста упал нам под ноги этот красный цветок...

* * *

...А через две недели молоденький врач деловито советовал мне: «Вам надо поторопиться. Ещё успеваете на мини. Ведь вам в вашем возрасте ребёнок не нужен?»

Нет, он не спрашивал. Он утверждал. Он и заподозрить не мог в моих мыслях и желаниях что-то иное. «Главное, не затягиваете. Желаю удачи!» – напутствовал он меня.

Мне – тридцать девятый год. У нас с тобой на двоих – трое детей. И я вовсе не похожа на сумасшедшую. К тому же – вовремя узнала и успеваю на мини... Так что никаких проблем. Так, по крайней мере, считал молоденький разумный доктор. «Желаю удачи!»

...И была ночь без сна... Я говорила себе: конечно же, я не выдержу, моему сердцу с этим уже не справиться... Конечно же, уже поздно: этот неожиданный подарок, эта красная гвоздика на снегу... «Вам надо поторопиться, ещё успеете на мини», – назойливо звучал во мне голос молоденького доктора-желаю-удачи.

Господи, но разве мини-убийство чем-нибудь отличается от убийства? Разве есть в убийстве ступени или градации: мини, миди, макси?..

А память тут же услужливо воскрешала во всех ужасающих подробностях то, что было. Четыре года назад. Со мной и нашей девочкой... И страх леденит душу. Господи, ещё раз решиться на такое?! Господи, кто мне может дать гарантию, что в этот раз всё будет благополучно?

«В нашей стране никто вам такой гарантии не даст». Это – голос уже другого доктора. Другого – но такого же трезвого и доброжелательного.

Все, все желали мне добра!.. Макси-добра за счёт мини-убийства.

Только ты, любимый, не верил, что я поддамся этим разумным советам. «Вот увидишь, всё будет хорошо», – говорил ты. И... отводил глаза, не выдерживая моего взгляда. Прости! но в те апрельские дни я не слышала в твоём голосе уверенности. В те дни мы ещё не знали, найдутся ли люди, которые поймут нас, не назовут безумцами и захотят нам помочь. Мы ещё не знали... И потому твоё утешающее, твоё полное любви «всё будет хорошо» – заглушалось (как тихий шёпот листвы – рокотом океана) – другим: жёстким, не оставляющим надежды: «В нашей стране никто вам такой гарантии не даст!»

«Может, нам эмигрировать на эти девять месяцев?» – попробовала пошутить я.

...И была ночь. Бесконечная ночь без сна. Ночь тёмная и долгая...

И тут я увидела *его*. Нет, я не спала, и это был не сон! Уже серело окно в горьких сумерках... И голова моя была ясной, хоть и тяжёлой от бессонницы.

Он сидел на высоком стульчике. Как раз напротив светлеющего окна. Совсем близко от меня... Маленький светловолосый ребёнок. *Наш* ребёнок! Ещё не родившийся. Он сидел на стульчике, трогательно скрестив ножки в голубых ползунках, и смотрел на меня... Ему было месяцев семь, или восемь. Мне показалось, что это мальчик. У него были тёмно-серые глазки. И эти глазки смотрели на меня с немим вопросом.

* * *

...А потом был май. И всё вокруг цвело, как безумное!.. Год повышенной солнечной активности. Всё цвело одновременно: вишни, яблони, черёмуха, каштаны... И когда я стояла на лоджии нашего тринадцатого этажа, высматривая, не идёшь ли ты от метро, – казалось, что

внизу, вокруг нашего дома, – плещется белопенный океан... Что наш дом плывёт по этому цветущему океану...

«Господи, как долго ещё!.. – думала я. – Выдержу ли?..» И хотелось закрыть глаза – и тут же открыть – и чтобы всё вокруг было таким же белым, только не в цвету – а в снегу...

* * *

...И вот я открываю глаза – и всё в снегу...

А в изголовье у меня – свежо пахнущие метелью хризантемы.

«Вот и долгожданный декабрь! Ты так ждала его... – говоришь ты. – Поздравляю!» – «И я тебя, милый!»

* * *

А помнишь соловья, который неистово щёлкал в сиреневых кустах?.. А ласточек, моргающих крылышками? А как Иксик впервые постучался, помнишь?.. На полтора месяца раньше обозначенного во всех книжках срока!

* * *

Я – с той ночи, когда он явился мне – была уверена, что мальчик. Но пришёл Юрий Михайлович – Юмих, как мы его ласково называем между собой, наш семейный доктор, и сказал голосом, не терпящим возражений: «Девочка!»

С тех пор я жду то Иксика, то – Иксюшу...

Целый месяц (это ещё весной) я читала только одну книгу: «Словарь имён». Вы – ты и Антон – соглашаетесь на любое, предложенное мной. Столько прекрасных!.. Что я согласна родить тройню (как минимум!): Ксюшу, Родку и Митю. А ещё можно Тёму. И Тима...

Ах, почему мне тридцать девять – а не девятнадцать? Тогда бы я родила *всех* наших детей!..

* * *

Но для девочки у меня только одно имя – без вариантов. Оно пришло ещё прошлой осенью, в ноябре, в утро Первого Снега...

...Я шла по безлюдному, тихому скверу. Было волшебно красиво вокруг: на чёрных влажных деревьях лежал белый-белый снег... Ветви старых ясеней низко склонились над моей тропинкой, образовав графически очерченную, чёрно-белую арку. В то утро в мире было только два цвета: чёрный – и белый. Только два. Никаких полутонов, переходов, ничего между. Только два: чёрный и белый. И от этого максимализма, явленного природой, все чувства внутри обострились...

Я вспомнила о нашей ушедшей девочке, хотя я о ней никогда не забывала, но случались минуты какого-то особо острого вспоминания, и было очень больно, что она ушла, не успев обрести имя. Ушла безымянной. И теперь, думая о ней, я не знала, как к ней обратиться...

И вот я шла по белой тропинке: ни души вокруг, ни следа на чистом снегу... А сколько было бы сейчас нашей дочке? Уже три годочка...

Над тропинкой низко-низко нависла ветка. Чёрная ветка, ярко очерченная белым. И в ту минуту, когда я взглянула на эту ветку... да, да, именно в эту минуту, точнее – мгновение, я вдруг явственно услышала: «Ксения...»

Это сошло откуда-то сверху – вместе с тихим, чистым снегом... И я сразу поняла, что это – имя Нашей Девочки. Ксюша! Ксения!.. Словно она пролетела надо мной в это мгновение и тихо шепнула его мне сама...

* * *

...Твоё первое шевеление я ощутила 29 июня, когда тебе было 14 недель. (А вовсе не в 20 недель, как предписано книжками!)

Это случилось как раз в тот день, когда мы ездили к чудесному доктору. Всё-таки нашёлся доктор, который не счёл нас за безумцев! Но нашёлся не сам: к нему нас отправил наш старый друг – филатовский доктор, который когда-то (семь лет назад) вылечил Антону палец, и с тех пор мы с доктором Колей – друзья. И доктор Коля отправил нас к другому хорошему доктору. (Вот как в жизни всё связано и всё неспроста! Выходит, спасибо Антошину наколотому на проволоку пальцу, который привёл нас когда-то в травмапункт Филатовской больницы? Выходит, что так!) И этот новый в нашей жизни доктор сказал (точнее – сказала, так как это была милая, очень спокойная, обнадёживающе-спокойная женщина): «У вас всё замечательно. Можете не волноваться. И забудьте о своём возрасте! И не вспоминайте о том, что было с вами четыре года назад...»

Вот тогда, вернувшись домой, я и открыла Антону нашу тайну.

И, наверное, волнения этого дня передались Иксику... И когда под вечер, утомлённая прекрасными переживаниями этого дня, я прилегла...

Нет, это нельзя ни с чем спутать! невозможно придумать!

Словно крошечный котёнок (то есть – ребёнок!) нежно и утомлённо потянулся во мне... И, не успев прийти в себя от этой радостной неожиданности, я услышала... Услышала отчётливо и ясно. Твоё первое: «Тук!»

«Ещё, ещё, пожалуйста! Чтобы я могла поверить!» – взмолилась я. И – через сладостное мгновение ожидания – я услышала ещё дважды: «Тук-тук!»

...А поздно вечером Иксик, не скупясь, порадовал и тебя, продемонстрировав, на что он уже способен!

«Здравствуй, малыш! – сказал ты ему в ответ. – Я твой папа».

* * *

Ну, тут жизнь началась уже очень веселая!

Хотя веселье это первое время ощущала только я. Под твоей рукой Иксик замирал. Он весь пока – точно птенец – умещался под твоей ладонью...

К моей руке он уже привык и прыгал под ней. Но к твоей, которая приходила к нему только поздно вечером, он привыкал долго. Он замирал, прислушиваясь к твоим биотокам, он изучал...

А иногда нам казалось: он просто играет с тобой в прятки! Просто дразнится! Шалит, как всякое малое дитя...

* * *

Шли дни за днями... Недели за неделями. Каждый четверг мы праздновали день рождения нашего Иксика.

И завтра будем праздновать. 37 недель! С ума сойти, до каких великих времён мы дожили! Даже не верится...

Сначала казалось: дожить бы до 10 недель – и можно будет надеяться. Потом: дожить бы до 17 недель – и можно уже не так тревожиться. Потом: дожить бы до 20 недель... О, эти заветные 20 недель казались ещё совсем недавно недостижимой мечтой!.. 20 недель – половина пути, шутка ли! И останется ещё столько же: всего лишь 20, а не 40!

...А потом, в августе, когда пошла (наконец-то! неужто?) вторая половина пути, я стала безумно бояться сентября.

25 сентября... Эта роковая дата маячила впереди молчаливой угрозой. Угрозой преждевременной разлуки. Угрозой того, что случилось четыре года назад... Нет, нет! только не вспоминать! «Милый, но ведь это – *другая* история, правда?..» – «Правда, любимая. Да ведь ты и сама это чувствуешь!»

И всё же... Как же я боялась конца сентября! Хотелось уснуть – и проснуться в жёлтом, шелестящем октябре... А ещё лучше – в ноябре...

Пусть дожди, пусть ненастье, пусть будет всё голо и черно вокруг!.. Я ждала ноябрьского ненастья – как несбыточного счастья... В ноябре можно будет уже не бояться. А только ждать. Тихо и блаженно ждать... Даже если Иксик надумает явиться на свет раньше срока, – в ноябре уже будет не страшно. Явившись в ноябре – он останется с нами.

«Держись, дружок! Держись, ненаглядный!»

* * *

Сказать, Иксик, что мы с тобой эти девять лунных месяцев лежали и блаженствовали, – так нет. Да, мы блаженствовали, но... – за работой! Оказывается, дружок, с тобой очень здорово работается! Ты словно бы подстёгивал меня, ты не отнимал – а вселял силы, ты словно бы нашептывал мне изнутри: «Торопись, торопись! Тебе надо многое успеть до моего прихода!»

И я успела. Я написала большую повесть. В другие времена я писала бы её, наверное, несколько лет. А с тобой, да с Божьей помощью, да с помощью моих любимых – Антоши и Гавра (твоего брата и твоего папы, малыш) – я написала её в считанные месяцы! Своё «Побережье памяти». Когда-нибудь ты прочтёшь его... Под этой повестью – дата: месяцы ожидания твоего прихода. Месяцы приготовления души – к Встрече с Тобой.

И слава Богу, что мне работалось! Работала отвлекала от тревожных мыслей, работа не впускала в жизнь дурные предчувствия и страхи. Работа убыстряла время. И оно несло стремительно: день за днем, глава за главой, страница за страницей...

* * *

Как вы думаете, мои хорошие (это я обращаюсь сразу ко всем вам – троим), как вы думаете: каково ощущать себя цирком-шапито?.. Да, да, цирком-шапито! В котором разыгрывается еженощное представление...

Почему-то Иксик особенно резв после полуночи. «Интересно, в кого же это он?..» – смеются Гавр и Антон. Это они намекают на меня, малыш. На твою маму-полуночицу. На твою маму-сову. Которая бродит по ночам по дому без сна...

Вот и ты у меня такой же. (Или – такая же?..) Моё бессонное полуночное дитя. И куда ты лезешь под самый купол? И раскачиваешься, и падаешь вниз, и опять неумоимо карабкаешься вверх, цепляясь за пуповину – как циркач за верёвочную лестницу, за канат, за трапецию... Мой маленький акробат. Мой бесстрашный!

* * *

А каково себя ощущать океаном, в котором плещется стая дельфинов?.. Вот именно: целая стая! Потому что один дельфин не мог бы плескаться сразу во всех краях этого необъятного (и с каждым днём всё необъятнее!) океана... Один дельфин не мог бы водить хороводы, ходить такими широкими кругами, вздымая такие крутые волны!..

Прощаясь перед сном, ты прикладываешь ухо к моему животу и восторженно шепчешь: «Шумит... океан...»

* * *

А каково ощущать себя галактикой, в которой блуждают планеты, и ежеминутно взрываются всё новые и новые звёзды?..

Взрываются горячо и разбегаются с такой сокрушительной энергией...

«Милая, ты у меня – как расширяющаяся галактика...» – говорит ошалелый от счастья муж.

«Мама, а тебе не больно?» – спрашивает сын, робко и нежно приложив руку к моему животу. «Чувствительно, – говорю я. – Ещё как чувствительно!»

* * *

– Может, он там не один? – спрашиваем мы друг друга, радостно прислушиваясь к той бурной жизни, которая кипит во мне...

* * *

...А потом было 31 августа. И мы приехали... на свидание к своему Иксику. Сегодня его должны были смотреть ультразвуком. Срок – приличный. В таком возрасте уже видно: он – или она. Один – или?.. Значит, через несколько минут тайна перестанет быть тайной.

Тебе разрешили присутствовать. Хотя и удивились: «Мужья обычно не интересуются. Вы – первый».

...И вот мы выходим на связь. Как будто с космосом...

На экране монитора мы видим сияющие, пульсирующие планеты и планетки... И словно бы сквозь космический гул (это кровь от волнения прилила к голове и гудит...) мы слышим голос нашего проводника: «Головка... пяточки... » Какие волшебные, сладостные имена у этих планет! «А вот – пуповина...» – говорит доктор. И мы, замороженные разворачивающимся перед нашими глазами зрелищем, видим сияющий, как млечная тропинка, канатик... «А это – сердечко... камеры... клапан...» Всё сияет и пульсирует... Пульсирует и сияет... Так вот что я ношу в себе!

«А кто – он или она?..»

«Не видно, – говорит наш проводник. – Ножки так поджал, что не видно. Скрывается...»

Тайна осталась тайной. Но мы ничуть не огорчены! Мы даже рады. Молодец, Иксик! Тайна и должна до поры до времени оставаться тайной...

...И через месяц, на втором свидании, блуждая замороженным взглядом по бездонному космосу (и как только крошечный монитор вмещает в себя эту бездонность?..), и в этот раз мы не узнаем ответа на вопрос: он – или она? Иксик – или Иксюша?..

В этот раз космический жилец повернулся к нам лицом и... мы ощутили на себе ЕГО взгляд.

А тайна так и осталась тайной...

* * *

...И вот уже метёт метель... Долгожданный декабрь! Могли ли мы надеяться?

Ах, да! а про Голубя забыла. Про Белого Голубя.

Он прилетел к нам на лоджию в конце ноября, субботним утром. Птица невиданной красоты. Мы и не подумали даже, что это – Голубь. Своей белоснежностью он был похож на чайку, своей грацией, своей длинной и гибкой шеей – на лебедя...

«И всё-таки это голубь! – сказал ты. – Голубь. Благая весть!...»

С того дня Белый Голубь прилетает к нам каждый день. Мы сыплем ему на завтрак и на обед золотистое пшено, и он с чувством глубочайшего достоинства склёвывает его. За это его достоинство и величавость, за этот умный взгляд, внимательно косящийся в наше окно, мы прозвали нашего голубя Профессором.

Если оставить окно открытым, – Профессор спокойно и безбоязненно зайдёт в гости...

* * *

– Всё будет хорошо! – говоришь ты. – Вот увидишь. Смотри, вот и Голубь опять прилетел... Неспроста ведь?

– Конечно, любимый.

* * *

Всё ближе, всё ближе...

– Неужели так скоро уже?.. Неужто так близко Встреча?.. Неужели такой долгий путь уже пройден? Уже позади...

– Даже жаль. Что так быстро... И уже никогда не повторится это блаженное время.

– Как знать?..

* * *

Мы прислушиваемся к галактическому океану, который я ношу в себе девять лунных месяцев...

Метёт метель...

Декабрь.

Скоро!

1—6 декабря 89, Речвок

Пост-скрипtum

Эти странички я написала в *эти* дни – когда ощущения и переживания ещё не успели стать воспоминаниями. В эти дни – ПОКА МЫ С ТОБОЙ – ОДНО...

Надеюсь, когда-нибудь я вернусь к ним: к этим страничкам, к этим дням. Ведь я столько упустила, о стольком ещё не рассказала!..

Я вернусь к ним тогда – когда исполнится загаданное на ВИШНЁВОЙ КОСТОЧКЕ...

А пока... – Гавр пошёл ловить такси...

7 декабря 1989 года»

Ах, как сладко мечтается под шорох метели! «Настанет время, и наш Иксик прочтёт «Вишнёвую косточку»...

* * *

А потом я открываю журнал – и погружаюсь в совершенно другое, уже далёкое, но такое дорогое моему сердцу время...

Странное и удивительное переживание: будучи здесь – в ожидании Иксика – читать собственную повесть об Антошином детстве. Заново переживать ТО, которое многократно усилено, обострено ЭТИМ. Только я на четырнадцать лет... старше? – или моложе той, что в повести?

На меня здешняя публика смотрит с уважением к моим летам. («Надо же, решиться в таком возрасте!») А мне смешно. Мне кажется, они все старше меня.

Приятно, что почти нет опечаток. Иллюстрация, конечно, кошмарная. Ну, да ладно! Не буду переживать хотя бы из-за этого.

«Гавр! Скоро тебя увижу... Хотя стремительно темнеет, и я, наверное, увижу только твой силуэт... Но ведь увижу! Тебя. Любимого.

Жаль, что ты не послушал меня и не устроил себе сегодня маленький отпуск. На улице такой холод! (О, как мне хотелось бы прогуляться с тобой по этому блаженному морозу!..)

Привет тебе от нашего чудесного Иксика. От нашего загадочного... Он скачет! Он весел и бодр. С ним всё в порядке. Он радостно плещется в своём океане, бегаёт свои дистанции, работает под куполом...»

«Меня возненавидела главная над нашей палатой докторица.

Чем больше ты обо мне тревожишься, чем настойчивее добиваешься, чтобы меня не оставили в последний момент на произвол судьбы, тем с большей лютостью она смотрит на меня на очередном обходе. О, как она ненавидит меня!..

За что? – недоумевала я в первые дни. А потом поняла: за то же, за что ненавидит меня, и тебя, и даже Антона лопухий мужик из нашего дома и тётки с лавочки у подъезда. – За то, что мы любим друг друга.

Она, молодая и весьма эффектная собой докторица, кандидатша, смотрит на меня такими же, теми же глазами, что и тётки у подъезда. Когда ты уходишь на работу, и я машу тебе с балкона, когда Антончик убегает в лес, и я кричу ему вслед: «Антончик, пока!» – тётки и лопухого, гуляющего со своей визгливой собачонкой, передёргивает. Так же передёргивает и красивую докторицу.»

– Восемьдесят шестая, ваш муж требует, чтобы вам сделали кесарево. Он, видите-ли, боится за вас! – её голос сочится ядом.

– Да, мой муж боится за меня.

Круто развернувшись, она уходит. В дверях бросает через плечо:

– Будешь рожать сама!

По долгу службы она должна сделать так, чтобы всё у меня было нормально. Но чисто по-женски, в сердце своём, она не желает мне добра. Я это чувствую: она не желает мне добра.

Когда она приближается ко мне, я инстинктивно прикрываю рукой живот – чтобы защитить от ядовитых стрел того, кто внутри...

«Они говорят: для кесарева нужны основания (как будто мой возраст и моё сердце – не основание!) Говорят: принесите справку о том, что во время первых родов вы были в клинической смерти, и ребёнок тоже. (Как будто *там* эту справку дадут! Да они ни за что не признаются в том, что *это* было, что они нас до такого довели!) И про то, что случилось в восемьдесят пятом году, они тоже требуют справку. Как будто мы с тобой это всё выдумали!

Мне страшно здесь. Господи, чем же это всё кончится?..

А ВДРУГ?..

Если случится это «А ВДРУГ»... – что будет с Антошей? Ведь я обещала ему вернуться...

Ужасно переживаю из-за того, что тебе так и не удалось его усыновить.

(О, эта кретинистическая бюрократическая машина!) А ведь только на тебя, на одного тебя в целом мире, я могла бы оставить моего мальчика...

(Только, милый, не показывай ему это письмо)».

«Сынуля, ку-ку! Как поживаешь? Я живу хорошо. Сэр Сквозняк утратил ко мне интерес и теперь гоняется за другими. Напиши мне письмецо! Предыдущее я уже зачитала до дыр.

Если бы я могла рисовать, я бы тебе нарисовала целый комикс, как по ночам по нашей палате бегает мышь и со страшным зубовым скрежетом грызет всё подряд: даже железные ножки кроватей и холодильник! Наверное, у неё, бедняжки, в организме не хватает железа. А вообще, она симпатичная, только уж очень эгоцентричная.

Когда я звоню, я вовсе не грустная, а просто сонная.

Целую тебя, мой хороший, и шлю тебе своё ежеутреннее и ежевечернее: «Христос с тобой!»

«Милый Гавр, настроение у меня на данном этапе совсем скверное. Хуже, может, и бывает, но редко. Вчера даже плакала. Хотя нам с Иксиком это совсем бесполезно. Хочется плюнуть на это хваленое заведение и уйти домой. Прямо ночью, пешком, без пальто... Господи, неужели повторится восемьдесят пятый год?..»

Восемьдесят пятый год. Колёсики каталки отвратительно поскрипывали по кафельному полу. Надо мной проплывал тусклый потолок. Была ночь. В тёмной, огромной, как барак, палате все спали. «Давай переваливайся!» Ухватившись за край каталки, с трудом перекинула себя на кровать. Звякнули пружины. Кровать оказалась старым гамаком. «Вот тебе лёд на живот. И не реви, не реви!» – «Сестричка, кто у меня?» – «Девочка... Ну, чего ревьешь-то? Родишь ещё себе доношенную». – «Но ведь она же плакала! Она *живая!*» – «Такие долго не живут. Спи давай».

Она умерла под утро. Наша девочка. Умерла, не успев нам ни разу улыбнуться...

Она ушла, а её плач продолжал жалобно звенеть у меня в ушах. И я слышала его четыре года, особенно отчётливо по ночам...

* * *

И вот настало утро, когда я поняла: НАЧАЛОСЬ... И опять гремели колёсики каталки, на которой я неслась в звенящую неизвестность... И – неожиданно – твой голос за дверь. И я прокричала тебе: «Гавр, НАЧАЛОСЬ!» Дверь на мгновение распахнулась. – Я увидела тебя! Твои глаза. Ты прокричал мне в ответ: «Я не уйду отсюда! Я буду до конца!»

Потом – холодная и сумрачная палата, о которой иначе как «камера» не скажешь. Бурые масляные стены. Замазанное до половины окно. За окном – в белом инее – старые деревья...

Влажная серая роба. Б-р-р! – холодно. Голова, как у арестантки, повязана застиранной косынкой. На ногах заскорузлые тапочки. В голую ступню впивается гвоздь. Прихрамывая, хожу из угла в угол, по диагонали этого сумрачного пространства – мне велено ходить.

Хорошо, что ты не видишь меня. Мы так хотели быть вместе, но сейчас я рада, что тебе этого не позволили. Предстать перед тобой в таком виде?! В этой робе, в этих тапочках?!..

Но крестик и обручальное кольцо – на мне. Крестик они просмотрели, а за колечко я сражалась на каждом обходе. «Почему на вас кольцо, восемьдесят шестая?» – «А оно не снимается». – «Надо снять. Не положено». – «Вы же видите: не снимается». – «Не положено». – «Можете отрубить с пальцем».

На этом дискуссия заканчивалась, чтобы назавтра возобновиться снова...

– Ходи, ходи! Ты чего у окна торчишь? Ходи! Представь, что у тебя в руках тяжёлые сумки.

Это-то? Это представить легче всего... Но лучше бы она сказала: «Представь небо. Представь, что над тобой не тусклый потолок – а Небо». Этого здесь не скажет никто. Об этом я должна помнить сама. С твоей помощью, милый.

В дверях возникает маленькая седенькая нянечка. Она протягивает мне записку. «Муж твой, дочка, велел тебе передать: он молится за тебя».

Записка – о том же... Сжимаю её в руке. Хожу, хожу по сумрачной диагонали. Где-то за стеной ходишь ты... Мы ещё не знаем, сколько часов нам выхаживать – вот так: рука об руку – хоть и разделены несколькими десятками метров, стенами и дверьми.

Ещё утро. Впереди – короткий декабрьский день и долгий, глубокий, как колодец, вечер... Казалось: это не может повториться в моей жизни, но – повторяется! повторяется... Опять этот чёрный туннель, озаряемый вспышками нестерпимой боли, по которому меня тащит сила, которая сильнее меня, сильнее моей слабости и моего страха. И – дальше – вплавь по раскалённой лаве... вспять... туда – к полыхающему жаром жерлу...

В руке – твоя записка, она держит на плаву и не даёт захлебнуться... Ты здесь, ты со мной, ты молишься за меня.

И Антоша, дома, тоже... и мама...

* * *

Сказать, что мы с Иксиком прошли по проволоке – это ничего не сказать. Мы прошли по ниточке. По тонкой-тонкой ниточке... Только вашими молитвами, родные.

– Девочка!.. Не зря мучилась, – услышала сквозь взрывы галактик весёлый голос акушерки.

ВЕРНУЛАСЬ!.. НАША ДЕВОЧКА ВЕРНУЛАСЬ К НАМ!

И, одновременно, вторым планом, недоумённое: «А если бы мальчик, то – зря?»

И МЫ ОБЕ – ЖИВЫ?

В это ещё надо поверить...

Вот она – красненькая и сморщенная, с длинным, марсианским разрезом глаз... Ой, какая страшненькая! И – в тот же миг: ГОСПОДИ, КАКАЯ ПРЕКРАСНАЯ!..

* * *

Потом ещё было много муки. Но ПОСЛЕ ВСЕГО – эта мука была здешняя, земная, и её можно было пережить. Тем более слыша в свой адрес такие комплименты: «Ты у нас рожала, как ангел».

Потом я лежала на узкой высокой каталке, в белом, сверкающем кафелем, кубе и слушала незатаихающий галактический гул... Галактический гул – в каждом своём атоме...

Текли прохладные восхитительные минуты, и гул становился тише, глуше... А на смену ему вступало БЛАЖЕНСТВО.

И тут мне принесли ЕЁ! Чудесно-маленькую, завёрнутую в серую грубую дерюжку. Она выглядывала из своей первой одежды – как бабочка из кокона. Её положили рядом со мной на каталку. И она прильнула ко мне, и зачмокала крошечным, как розовый бутон, ртом...

И это было уже выше блаженства.

ЭТО
БЫЛО
НЕБО.

Потом нас поднимали на третий этаж. Меня на каталке, а моя девочка совершала первое в своей жизни путешествие на сгибе руки чужой тёти в белом халате. Дочке моей, так же, как и мне, это показалось противоестественным, и она заплакала. Заплакала так горько! и крупные слёзы покатались из её марсианских глаз... Медсестра удивилась: «Надо же! Плачет слезами... Такие маленькие слезами не плачут».

Это была наша первая разлука.

Ночь. Палата залита лунным светом... Палата на одну койку, втиснуто – четыре. Пока нас здесь трое. Лежу между двух Наташ. Слева Наташа говорливая, справа – молчаливая. У всех троих – девочки. Наши дочки появились на свет только что, друг за дружкой.

Уснуть не можем. Хрустим во тьме яблоками.

«Интересно, чем там занимаются наши девчонки?..»

Наташа-говорливая без умолку говорит. Наташа-молчаливая грустно молчит: её девочка поспешила прийти в этот мир на целых два месяца. Но ведь мы не в заштатном роддоме, в который меня угораздило попасть в восемьдесят пятом году: там о спасении таких деток особо не пеклись, там просто ждали, когда они умрут... А в выписке писали: родился мёртвым. «Как мёртвым?! Ведь она кричала, она плакала!..» – «Раз умер в течении первых суток, считается мертворождённым». Вот и весь ответ. И никто не виноват в этой смерти? И никто не виноват за несостоявшуюся жизнь?..

Но у Неба разве мертворождённой считалась моя девочка? Разве не была её крошечная, коротенькая, как у бабочки-однодневки, жизнь – ЖИЗНЬЮ? Разве она была СМЕРТЬЮ?.. Да, она жила считанные часы, но что мы знаем о времени? Может, эти считанные часы, наполненные страданием и напрасной надежды, что придут, помогут... может, эти часы были для неё целой вечностью? Долгой, трудной жизнью, которую она прожила в одиночестве...

ГОСПОДИ, НЕУЖЕЛИ МОЯ ДЕВОЧКА ВЕРНУЛАСЬ???

Наташа-говорливая недоумекает: «А откуда ты знаешь, что это она же?» – «Чувствую. Я её все эти годы звала – и она вернулась...» – «А если бы родился мальчик?» – «Но ведь родилась ОНА!» – «Действительно... Прямо чудо какое-то!»

Луна плещется в темноте... «Как там наши девчонки?..» – «Ужасно это, что сразу различают. Небось, плачут...» – «Я слышала, в Москве уже есть роддома, где детки спят рядом с мамамы, в одной палате. Как во всём цивилизованном мире». – «Счастливые!» – «Но зато здесь хорошие врачи. Всё-таки научно-исследовательский институт!» – «А мы для них – подопытные кролики?» – «Подопытные мамы. Они на нас пишут свои диссертации». – «Тогда им должно быть выгодно, чтобы их опыты прошли удачно». – «Конечно!»

– Моя – в реанимации, – говорит Наташа-молчаливая.

Наташе-молчаливой повезло: мы не в заштатном роддоме, а в знаменитом на всю страну, куда рвутся, куда мечтают попасть. Один здешний доктор с гордостью сказал: «Мы спасаем всех женщин и всех детей!»

На следующее утро.

Разбудили в полпятого. Всякие процедуры. Еле ползаем. Едва шевелим ногами. «Неужели когда-нибудь опять нормальными людьми будем? Не верится...»

В десять утра мне принесли твою записку, полную ликования. Ты видел её!

Ещё вчера. В самые первые её минуты. Взобравшись на сугроб, ты стоял у окна той комнаты, куда приносят младенцев из родильного зала, и видел первое омовение нашей дочки...

Ты в восторге. От её причёски, от её телосложения, от её звонкого и требовательного голоса...

Взволнованное и нежное письмецо от Антоши. Полная заботы и вопросов записка от мамы. Ну, и напереживались вы вчера за меня!..

И вот – несут на кормление моего Иксика! Нашу И-КСЮШУ.

Уже не в серой дерюжке, как вчера, – а в белом нарядном конверте! Мою красавицу. Мою долго-долгожданную...

«Ксюша, Ксения, Акси́нья...» – только тебе, шёпотом.

А хочется – на всю вселенную: КСЮША, КСЕНИЯ, АКСИ́НЯ!

Здравствуй, доченька. Вот мы и опять вместе.

Ты взглянула на меня своими марсианскими глазками – цвета ночного декабрьского неба... И волна света пробежала по твоему лицу – ещё такому новому для меня и уже такому родному. Нет, наверно, это не могло быть улыбкой в нашем, земном, мирском понимании. Но именно так – *волна света*... Ты пока существо таинственное, космическое.

О тебе здешними словами не скажешь...

И это так удивительно, что из своего космоса ты тянешься ко мне розовым бутончиком крошечного рта... Я кормлю КОСМОС.

«Ну, как твоя? Сосёт?» – «Сосёт...» – «А у нас чего-то не получается, – волнуется Наташа говорливая. – Настя, Настёна, не ленись!»

Отвернувшись к стене и закрыв голову одеялом, плачет Наташа молчаливая...

Но вскоре пришёл детский врач из реанимации и сказал: «Совершенно напрасно вы так переживаете. С вашим ребёнком ничего катастрофического. Всё идёт, как надо». Господи, как мы были счастливы! Все трое. Теперь и Наташа молчаливая заговорила. У её девочки зелёные, невероятно зелёные глаза! Как у мужа. А имени ещё нет. Потому что ждали мальчика...

А дальше – черед суматошных счастливых часов (хотя всё ещё болит, болит! – ни сидеть, ни стоять) – с бесконечным чаепитием и внутренней мольбой: «Только бы пришло молоко!»

На смену этим первым каплям пришло бы молоко! Чтобы кормить, вскармливать, питать долго-долго – не месяц и не два, а целый год... всё дочкино младенчество – переливать себя в неё... Чтобы не рвалась пуповина. Чтобы не разлучаться. Чтобы чувствовала моя пришелица – в каждой капле – моё ЛЮБЛЮ...

А потом в палату вошла Наташа молчаливая. «Я только что говорила с мужем по телефону. Вчера вечером умер Сахаров».

О ГОСПОДИ!..

И уже опять несут кормить Ксюшу, а я почти не вижу её из-за слёз... О Господи, вчера! вчера, в тот самый час, когда ты пришла в этот мир, мы осиротели... Мир осиротел. Вчера.

А ещё сегодня утром мы были так счастливы!.. Андрей Дмитриевич, Андрей Дмитриевич... Целый месяц я писала Вам письмо, но так и не отправила его. Я писала от имени своего поколения. От поколения прозревших. Прозревших, благодаря Вашему тихому пророческому голосу... Есть, есть! (*был?..*) пророк в нашем горьком отечестве.

Но письмо своё я не отправила.

Постеснялась. Оробела.

А теперь вот...

«Мамочка, что же это ты ребёнка слезами кормишь? Он ведь от такой кормёжки кричать-разрываться будет!» – делает мне выговор патронажная сестра.

Звоню тебе. «Ты мне не написал, но я знаю». – «Не хотел тебя волновать»... Молчим. Горе, неожиданное, перехлёстывает нашу долгожданную радость... «Давай держаться, родная, – говоришь ты. – Ради Ксюнечки. Как там она?» – «Сосёт. Очень трудолюбивая, пыхтит, старается. Улыбнулась мне...» – «Неужто улыбнулась?!» – «Осветила...»

И опять несут наших птенцов на кормление. Едва успеваем перевести дыхание. И опять... И Наташа молчаливая отворачивается к стене... А потом мы пьём, как очумелые, чай... Чтобы пришло молоко! Сейчас это самое главное – для нас и наших дочек. Два пузатых обшарпанных чайника с кипятком стоят в коридоре. С пяти утра и до часу ночи – чай, чай, чай... «Так и в водяных недолго превратиться!» – подшучивают над собой мамочки.

В полночь – ты опять рядышком. Старательно чмокаешь, девочка моя ненаглядная!..

«Ты спрашиваешь, какого цвета Ксюшины глазки? В первые минуты они были бездонными и тёмными, как декабрьский космос... И на следующий день они были такими же. И очень тревожными. И сама она всё время вздрагивала, вздыхала – из своих таинственных глубин...

Всё-таки мы очень намучились с ней. *Такое* быстро не забывается. Но как здорово, что обошлись без кесарева!

Сейчас Ксюша уже спокойнее. А в её глазках начинает просматриваться СИНЕВА! Глубокая-глубокая синева...»

А с раннего утра (хотя какое утро в пять часов в декабре? – ночь кромешная, глухая, знобкая, подсвеченная синим кварцем...) – опять чай, вокзальный кипяточек с засохшей вчерашней передачкой. Молочко, молочко, с чего тебе прийти? В знаменитом роддоме, как и в заштатном, потчевать мамочек нечем. Мокрая, ржавого цвета, капуста, именуемая на местном диалекте солянкой, да холодный склизкий рис. На обед в капусту или в рис подливается водица – получается шикарный супчик.

Но какие запахи царят в отделении!..

Напротив нашей палаты – кухня: там медперсонал потчует себя. Струятся из-за плохо притворённой двери одуряющие запахи. Там... жарится мясо! Оно аппетитно шкворчит на двух гигантских сковородах, и эти пьянящие звуки и аромат города Сочи носятся по коридору, нахально вторгаются в палаты, доводя полуголодных мамочек до головокружения. «Ничего, скоро дома будем», – подбадривают мамочки друг друга.

«Никак голодовку объявили?» – лениво возмущается красноносая нянька, собирая с наших тумбочек тарелки. «Гляди, даже не притронулся никто!» – «Так ведь нам нельзя капуста. Детишек пучить будет».

«Што его обратно не ели?» – «Так ведь нам нельзя рису. У детишек запор будет». Она равнодушно мотает пьяной головой.

После её ухода в палате тяжёлый дух перегара. Распахиваем фрамугу – скорее, скорее проветрить, сейчас кормление.

Сейчас тебя увижу, Ксюша, Ксения, Аксинья!..

«А губы у Ксюни – бантиком!»

А ещё, мне кажется, она уже откликается на своё имя. Откликается мимикой, движением крошечных ресниц...

А как она сосет, с каким старанием добывает драгоценные капельки! Наша трудолюбивая, неутомимая девочка, наш маленький ангел. Наша загадка. Наша – разгадка...»

Принесли письмо от Анюты. Записку от Саши. Они рады появлению Ксюши. Слава Богу! А я так волновалась все эти месяцы (да-да, ещё и по этому поводу!), думала: вдруг будут ревновать?..

Вечером детишек разносит нянька, которая днём мыла в коридоре полы. Она в том же замызганном халате. «Ничего себе!» – у мамочек перехватывает дыхание от ужаса и возмущения. «Вы хотя бы халат сменили!» Она смотрит непонимающе. Боже мой, да ведь она тоже пьяная! После кормления – вручаю своё сокровище в её пьяные руки. «Не уроните, о Господи!..»

«Ксюша, Ксения, Аксинья, до завтра, солнышко!»

Через два дня мордашки у наших дочек покраснели и покрылись сыпью. «Что с нашими детьми?» – волнуются, переживают мамочки. «А кто ж его знает? Бывает... Небось, сами поели чего-нибудь, вот они и запрыщавели». – Да не ели мы ничего! – Ну, у врача тогда спрашивайте. – А когда же будет этот врач? Мы его уже три дня ждем. – Должен быть, как же.

«Бред какой-то!»

А надо всем – высоко-высоко и нежно:

КСЮША, КСЕНИЯ, АКСИНЬЯ!..

«Я уже изучила её многие, – такие милые, такие трогательные гримаски... Когда её приносят спящей и разбудить, чтобы покормить, невозможно (наверное, я бужу слишком робко), – мы просто лежим рядышком, вдыхая друг друга... И я люблю её. Изучаю каждую чёрточку, каждое движение в её личике, а оно меняется день ото дня, час от часу...»

Какой у неё нежный разрез глаз! А как она чудесно оттопыривает нижнюю губку, когда категорически отказывается есть, желая спать.

Но когда Ксюню приносят бодрствующей!.. О, это целая симфония!.. Как она смотрит на меня, с каким вниманием! Как она изучает всё вокруг! Можно подумать: ей – месяц. А ведь нам всего лишь три дня! Милый, тебе верится?

Мне кажется: Ксюша с нами уже целую жизнь. Хотя почему «кажется»? Так оно и есть...»

Вместе с запахами жареного мяса и пьяными няньками по коридору гуляет ветер. Самый натуральный декабрьский ветер... Разогретым нянькам он нипочем. Но мамочкам, мамочкам, которые облачены лишь в хэбэшную рубашку да ветхий фланелевый халатик, – очень даже ощутимо: зима!

Справа высоченные и тяжеленные двери распахнуты на лестницу – оттуда несёт декабрем. Слева – такие же двери распахнуты, и тоже на лестницу, и оттуда несёт тем же декабрем... По этому декабрю носят детишек на кормления.

«Мамочки, душ принимать!» – зычно возглашает сестра-хозяйка, громыхающая тележкой с чистым бельём. Бродим по коридору в поисках душа. «Чего ходите? Вот он – душ!» – она показывает на умывальник. Единственный умывальник на всё отделение – прямо у распахнутой двери. «Разоблачайтесь!» Разоблачаемся. Стоим зябнувшей шеренгой к «душу»...

И среди всей этой суматошной, и сюрной, и всё равно, несмотря ни на что, головокружительно счастливой жизни («Ксюша, Ксения, Аксиныя!..») – неотступно: «Андрей Дмитриевич, Андрей Дмитриевич!..»

Потайная река скорби...

Господи, почему так совпало?

А в ночь перед похоронами рухнула зима. Крепкая и скрипучая, она рухнула, подточенная этой скорбной рекой.

Громыхала, тяжело постанывая, гроза, и лил дождь...

С покатых старомосковских крыш с шумом водопада съезжали толстые пласты снега и с грохотом падали вниз, в маленькие тёмные дворы. Молнии оранжево всполыхивали во мраке, скудно, поминально освещая этот развал, разлом... дождь хлестал неудержимо, скрипели за окном – чёрные на чёрном – деревья...

Эта ночь оплакивала Андрея Дмитриевича.

На следующее утро кормили своих детишек под траурные мелодии, которые лились – продолжением ночного ливня – из маленького репродуктора на сестринском столе...

А потом заглянул в палату доктор из реанимации и позвал куда-то Наташу-молчаливую. Вскоре она вернулась, легла на кровать и закрыла глаза. «Наташа, что случилось?» – Она не отвечала.

По коридору шёл наш палатный врач. Я догнала его. «Сергей Палыч, что с ребёнком Васильевой?» – «Умер», – сказал он. – «Как умер?!» – «Ну, как...» – он пожал плечами. Меня обдало холодом и ужасом восемьдесят пятого года... Стояла в коридоре и не знала, как войти в палату, и что сказать Наташе...

Вошла. Она стояла, застыв, у окна и смотрела в никуда огромными серыми глазами.

– Наташа, родная!

Мы обнялись и заплакали.

«Не раскрылись лёгкие, – сквозь рыдания говорила она. – Ждали, что раскроются... На третий день подключили аппарат, – оказалось, поздно...» – «Почему же они раньше его не подключили?!» – «Думали, сама справится... Говорили ведь: у вас крепенький ребёнок...» – «Наташа, милая, она вернётся! Ты слышишь? Твоя девочка вернётся к тебе!» – «Когда? когда?.. ведь мне уже тридцать...»

* * *

А вечером на кухне была большая пьянка. Нет, не поминки по Андрею Дмитриевичу и не поминки по Наташиному ребёнку, – а неудержимое веселье по местному поводу: отмечалась помолвка одной из медсестёр. То ли всерьёз, то ли это был обычный дежурный повод.

«Миленький, забирай нас отсюда!» – «Как – забирай? Тебе же швы ещё не сняли!» – «Здесь вспыхнула какая-то инфекция, то ли грипп, то ли стафилококк... Одним словом, завтра нас всех отсюда выгоняют. Швы снимут завтра же».

Я говорила с тобой по телефону с поста медсестры. Здесь было пусто: все веселились на кухне. Одна из медсестёр пыталась войти в нашу палату: она держалась за ручку двери, а её мотало из стороны в сторону, и она никак не могла дёрнуть двери на себя...

А потом, ближе к ночи, отключили горячую воду. Где-то прорвало, авария. Похолодели батареи. В палате вскоре стало по-зимнему, а в окно напирал ветер и распахивал фрамугу... В коридоре и вовсе люто.

«А как же детишки?» – волнуются мамочки.

«В детской тепло», – утешала патронажная сестра, но сама была в толстой кофте под халатом.

«Господи, хотя бы не простужались! Скорее пережить эту ночь и домой...»

А на кухне всю ночь гудела пьянка...

Последнее утро. «Что это вы всё пишете и пишете?» – спрашивает меня Наташа-говорящая. «Письмо мужу». – «Письмо? Мужу?! – она будто не верит своим ушам. – Так вы же через несколько часов будете дома!» – «Но это будет уже другая жизнь. А я хочу ему написать ещё из этой...»

«В ту, первую ночь, когда узнала об Андрее Дмитриевиче, не могла уснуть. Мела метель... Думала об А.Д., молилась за него, молилась за нашу девочку... И было так больно и грустно: ну, почему, почему, Господи, так совпало?..»

А теперь думаю: может, всё неспроста? Одна душа пришла на смену другой, которая довольно потрудилась, настрадалась на Земле и заслужила Неба... Может, это – счастье: то, что день Прощания стал и днём Встречи? Может, во всём этом огромный смысл: то, что в этот, именно в этот день мы подарили миру нашего ребёнка? Чтобы не образовалось пустоты...»

Иксик

Глава вторая

Дорога домой

Я – на переднем сиденьи такси, с охапкой цветов – зимние розы и гвоздики...

Вы – втроём – на заднем: ты держишь Ксюшу, завёрнутую в оранжевое одеяло, лицо твоё совершенно сумасшедшее от счастья. «Мне всё ещё не верится, – говоришь ты. – Что самое страшное позади...»

Ксюша, наш таинственный Иксик, тихо спит внутри оранжевого бутона...

Антон, мальчик мой задумчивый, то долго смотрит в окно... то коротко и смущённо взглядывает на сестру, такую ещё незнакомую, и, хотя и долго мы её ждали, но всё равно неожиданно; то быстро и нежно взглядывает на меня.

Повернувшись к вам, крепко держу его за руку. «Ты рад?» – «Рад», – отвечает он и опять – в окно...

Мы несёмся по бурным рекам, которыми стали после грозы и ливня городские улицы. Пахнет весной!..

Розами, гвоздиками, грозой и весенней распутицей встретила Ксению её Первая Зима. Такси влетает, всплывает на Сретенский бульвар. Наш бульвар!

– Крыша! – вскрикиваем мы почти одновременно и принимаем к туманным окнам... Здравствуй, Крыша! Это опять мы. А это – Наша Девочка!

Флюгерами, мансардами, башенками, голубями Наша Крыша приветствует нас! Она благословляет нас. Наша Крыша, которая обручила нас когда-то: обручила нас навсегда с нашей юностью и вручила нас друг другу...

Крыша огромного старинного дома, по которой мы бегали летними полнолуниями ночами, по её сверкающему в лунном свете гребню... Балкончики и мансарды, и башенки, и флюгера – они помнят нас безнадёжно влюблёнными, отчаянно весёлыми и несчастными одновременно.

Когда это было?..

Фырча, как цирковой морж, такси несётся по декабрьской реке, вышедшей из берегов... Эти бульвары помнят нас молодыми. Эти мостовые. Эти деревья. Антон: «Да вы и сейчас не старые!» Ну, разумеется! Мы самые молодые и самые сумасшедшие родители! Иначе бы у четырнадцатилетнего Антона, семнадцатилетнего Сашу и двадцатилетней Анюты не появилась бы младшая сестра. (Впрочем, Анюте, пока я лежала в роддоме, исполнился двадцать один. И хотя не я рожала Сашу и Анюту – но всё равно они НАШИ общие дети).

«А вон историческая телефонная будка!» Антон: «Чем же она историческая?» – «Однажды ночью, в июне, совершенно белой ночью, белой от луны и сиреней, папочка от избытка чувств влез на эту будку, сидел на ней и болтал ногами... А милиционер смотрел на нас и смеялся!»

– И сколько же вам было лет?

– Ровно столько же, сколько сейчас. Минус восемнадцать.

Действительно, когда это было?

Это было ВЧЕРА.

На окраине Москвы, неподалёку от Северного Речного вокзала, на нашей окраине, именуемой – Речвок, у нашего дома, тёмно-синего в тумане, отфыркиваясь, такси причалило к мокрой панели. У подъезда – никого. Прекрасно! Суеверно боясь сглазу, все долгие месяцы ожидания Иксика я избегала встреч с соседями. Никто в нашем четырнадцатизэтажном многолюдном доме не знал о том, что я ЖДУ. И сейчас любопытные взгляды не простреливают оранжевое одеяльце. Слава Богу!

Выходим на тротуар. Голова кружится от свежести... «Антоша, поддержи!» – ты протягиваешь Антону Ксюшу, тебе надо расплатиться с шофёром. «Ой!» – говорит Антон и смущённо подставляет руки корытцем. Он стоит с этим невесомым свёртком, высокий, тонкий мальчик, с растрёпанной охапкой тёмных волос и детским улыбочивым ртом. Вокруг плещется туманный сырой океан... Ярко сияет оранжевый бутон...

Дома нас встречает моя мама – дважды бабушка. «Наконец-то! – говорит она. – Наконец-то я дождалась свою внучку. Столько лет!..»

Она берёт на руки долгожданную пришлицу и восклицает: «Копия ты!» – «А по-моему, копия Антон. А лоб – папин. Философский. Вообще-то, она похожа на всех нас». «Вовсе ни на кого она не похожа», – возражает Антон. «Она похожа на себя. На Иксика!» – говорит папа.

Дом нас встречает запахом безумной чистоты, сверкающими полами, невероятным отсутствием пыли. Неужели это возможно в нашей бумажной писательской норе? «Мы старались, – говорите вы, смущённые моими горячими похвалами вашей доблести. – Втроём, не покладая рук...»

Дом встречает нас ещё одной, вашими стараниями сотворённой, комнаткой! Была квартира однокомнатной – стала двухкомнатной. «Отличная была у тебя идея», – говоришь ты.

Получилось действительно здорово. Нежная, как августовский день на закате, штора разделила комнату на две. И там, где прежде стоял старый работяга муфель, где громоздились коробки с керамикой и ящики с крымскими камнями и колючками, где возвышались, напичканные творческой пылью, башни папок с рукописями, – теперь здесь лучезарное сверкание... И – в этом сверкании – кровать! Ожидающая свою маленькую хозяйку.

У кровати – тюльпаны! Тюльпаны в декабре!.. «Милый, откуда?» – «Ночью, у какого-то мужичка на углу».

Наш дом, наша маленькая квартирка, наша обновлённая вселенная излучает волнуемые ароматы НОВОЙ ЖИЗНИ... «Хорошие мои, как вы отлично всё устроили!» – «Правда, тебе нравится?» – «Ещё бы!.. Чувствуется, как вы нас ждали!»

Распелёнываем Иксика... (Нет, совершенно не помню этого первого пеленания! Помню лишь своё волнение, свои непослушные, забывшие, как это делается, руки). «Ничего себе, опытная мама!» – изумляюсь я сама себе. Оказывается – всё, как в первый раз! Хрупкое, как у неоперившегося птенца, тельце, к которому боязно прикоснуться: кажется, в нём всё так непрочное! Гноющийся пупок, кровоточащая попка – наследие «фирменного» роддома. (Пупок мы будем лечить целый месяц, с попкой тоже придётся повозиться, чтобы зажила. Такое впечатление, что детку вообще ни разу не перепелёвывали и в последний момент отодрали грязную пелёнку прямо с кожей!)

Потом Ксюша водружается в свою кровать! Подходит робеющий Антон. «Прикоснись к ней». «Ой, что ты! Боюсь...» И тогда я беру его упирающуюся руку, ласково притягиваю её к Ксюшиной лапке (она действительно похожа на птичью лапку), – и... крошечные пальчики цепко хватают Антона за указательный палец. На одной фаланге Антонового пальца – четыре Ксюшиных.

«Ну, вот и поздоровались, – говорю я. – Ксюша, это твой братец. Антончик, это твоя сестрица». «Ужас, какая маленькая!»

И – завертелось волшебное колесо! Которому вертеться ни один день, ни один месяц...
Кормления—пеленания—кормления—пеленания—купания —пеленания—кормле-
ния—гуляния—кормления—пеленания...

Первая ночь дома

Всю ночь лил дождь, и она спала. Спала, не просыпаясь, не издавая ни шороха, ни звука. А я всё равно не спала, не в силах воспользоваться этой короткой передышкой перед долгим марафоном. Всю ночь прислушивалась к её дыханию. А оно было неслышным, как у птенца. То и дело вставала и подходила послушать.

Облако прохлады над кроваткой!.. Дочка моя ещё не могла надышать, обогреть пространство вокруг себя. И под одеялом у неё было прохладно. Внутри прохладнее, чем снаружи.

Господи, какая же она ещё маленькая! А зима – только в начале...

Цепь чудес

Вчера, когда я вернулась из роддома с малышкой Ксюшей, – мой сын подарил мне цепочку. Сделанную его руками в те дни и вечера, когда решалась наша с Ксюшей судьба.

Почти две недели мы были в разлуке. – Самая долгая разлука за всю нашу жизнь...

Эта цепочка сделана из обычной медной проволоки, но она насыщена такой силой любви и ожидания, что кажется, будто сделана из самого драгоценного металла.

В цепочке семьдесят семь звеньев. Семьдесят семь обращений ко мне и – к Небу...

Я надела её и едва не разрыдалась. Так остро я ощутила неразрывность связи с моим мальчиком.

...А под утро, когда все в доме спали, всё моё драгоценное семейство: мой муж, мой сын и моя дочь, – я не спала и придумала название Антошину подарку: «Цепь чудес».

Лежала в этой блаженной предутренней тишине, наполненной дыханиями моих любимых, и думала о том, что вся моя жизнь – это непрерывная цепь чудес...

Утром, за чаем. (Господи, неужели мы опять все вместе, и опять, как всегда, вместе пьём чай?! Ещё неделю назад это казалось недостижимой мечтой...)

«Я хотела бы вспомнить семьдесят семь чудес мой жизни», – говорю я.

– Ну, три чуда – известно какие... – смущённо улыбается Антон.

Он угадал. Три самых больших чуда – вот они, рядом со мной.

– Вспомни – и напиши повесть, – говорит Гавр.

– Может, когда-нибудь и напишу...

...Я держу в руках Цепь Чудес, перебираю её сверкающие звенья, как чётки, перебирая в памяти чудеса своей жизни – как молитовки... Пятьдесят два чуда я уже вспомнила. Конечно, я вспомню ещё двадцать пять чудес; если не сегодня, так завтра, или – в канун следующего Нового года. Может быть, к тому времени я даже напишу книгу. Хотя такую книгу надо писать на закате жизни.

А пока... Я надеюсь, чудеса не кончаются.

А пока – меня призывает к себе Ксюша, а вокруг вьётся Антончик в ожидании, когда я уступлю ему компьютер...

Цепь Чудес не прерывается!

...Вдруг услышала голос моей дорогой крёстной – из её далёкого далека: «Нуш, в твоей жизни всё – по закону чуда!»

Милый Иксик...

Иксик, милый Иксик! Слышишь ли ты меня?.. Помнишь, как ты был дельфинчиком и плескался в океане? В тёплом, ласковом океане...

Ты узнаёшь эту музыку, Иксик? Эту мелодию, которая звучала ТОГДА – когда мы с тобой были ОДНО. Совсем недавно это было. Это было – вечность тому назад.

Иксик, я не могу тебе объяснить, почему мне так грустно. Ведь всё сбылось. Только сверкающая млечная тропинка перерезана... Необратимо.

Но ведь ты узнаёшь эту музыку, Иксик? Ты всегда будешь её помнить? Эту звёздную мелодию, под которую ты так весело плескался в своём океане... Когда мы с тобой были – одно.

О, как я помню эти твои кувыркания! Эти весёлые кульбиты, этот лёгкий бег по волнам, эти нежные постукивания (головкой или пяточкой?) – через тонкую стенку, разделяющую наши миры...

И вот – свершилось. Ты – в моих руках, крошечное сероглазое существо. Это ты там плескалась? Ты резвилась по ночам, не давая мне спать?

Это – ты.

Так почему же лицо моё мокро от слёз, и сердцу больно?

Ты не оставишь нас?.. И твои глазки будут всегда смотреть на нас, и ты всегда будешь озарять нас своими милыми улыбочками?..

Как мучительно наше расставание: *расставание* во имя *встречи*. Каждый мой атом тоскует о том времени, когда мы с тобой были ОДНО.

Каково же тебе, моя милая? Мой маленький дельфинчик, вырванный из тёплых волн родного океана... Я ждала этого дня – и то не могу прийти в себя. Ты же – не ждала, не ведала... Каково тебе, моя маленькая пришелица из вечности? Моя сероглазая инопланетянка...

Ты узнала эту мелодию, узнала! Нашу-с-тобой музыку. Музыка той жизни, когда мы с тобой были одно...

Каждый день я ставила на проигрыватель старую любимую пластинку Поля Мориа. Это был условный знак, пароль. Я посылая эту мелодию в глубины твоего космоса, – и ты неизменно отзывалась... Вижу по твоим глазам: ТЫ УЗНАЛА. Вспомнила, узнала.

Тихонько кружусь с тобой по комнате...

Всматриваюсь в твоё лицо... Оно – такое ещё В СЕБЕ (Господи, ведь тебе всего семь дней!) – твоё лицо при первых же звуках НАШЕЙ МУЗЫКИ преобразилось.

Ты одна можешь понять, о чём я грущу...

* * *

Но когда ты принимаешь к моей груди – мы опять ОДНО.

Ни за что не променяю наши кормления – на облегчённые: из бутылочки. Наши долгие, наши космические кормления, по полчаса, по сорок минут, с твоими засыпаниями и просыпаниями, с моим истомлённым зависанием, замиранием над этой звёздной, тихо посапывающей, старательно почмокивающей бездной...

Каждые два часа дом оглашается голодным криком нашей детки. И ночью – тоже. Жизнь превратилась в сплошное кормление.

«Устала, милая?» – «Блаженствую!» – «Но ведь устала же?» – «Конечно, устала. И всё равно блаженствую...»

...Когда-то, в ПЕРВЫЕ ДНИ, были кормления мамыны и – кормления папины: из бутылочки. Через раз. Потому что молочка у мамы было – жалкие капли, и оно не успевало прихо-

дить. Папа гордился. Папа шалел от счастья, когда крошечная, как куколка бабочки, Ксюша, лежала у него на коленях и сосала из бутылочки.

Но дочка очень быстро уловила разницу между бутылочкой и мамой. И – предпочла маму! Маму, которая плакала от отчаянья, что ей нечем кормить детку. А детка кричала и требовала маму, маму, маму! Восемь раз в сутки – МАМУ!

И – молочко стало приходить на этот требовательный зов из каких-то неведомых глубин...

Кончились папины кормления. К великому папиному огорчению. Но – и к великой папиной гордости. «Ты такая замечательная мама!» – говорит он. «Ты мне это скажешь через год», – отвечаю я. «Боже мой, неужели ты собираешься кормить ЦЕЛЫЙ ГОД? Ведь всего только десять дней, а ты уже падаешь от усталости. Хотя бы месяц тебе продержаться!» – «Ничего, с Божьей помощью выдержим...»

(Мы и не подозревали, что продержимся не только целую вечность Первого Года, но и ещё два месяца сверх этой вечности!)

Три часа декабрьской ночи. «Уа-уа!..» Ты кладёшь рядом со мной на подушку разгорчённого сном, нетерпеливо ищущего маму Иксика – и... Стыковка в космосе произведена успешно.

«Ну, как, причмокнулась?» – «Причмокнулась...»

НЕ ЗАБЫТЬ:

Иксик в руках у папы. Иксик, дрыгающий голыми ножками, – в папиных ладонях. Весь (со всем своим дрыганьем!) уместившийся в двух папиных ладонях, как в тёплой раковине... Вот какой крошечный Иксик.

* * *

«А это пришёл наш братик. Он чем-то огорчён. Нет, он просто задумчивый...»

Он садится на краешек тахты, на которой я пеленаю его сестру, и смотрит на неё долго и грустно.

– Такая маленькая... – сокрушённо говорит он. – Разве у нас с ней может быть что-нибудь общее в жизни?..

– Это, Антончик, от нас ото всех зависит, и от тебя тоже: будет ли у вас общее. Конечно, будет. Должно быть.

– Что?

– Жизнь. Сама жизнь. И ты для Ксюши будешь очень много значить.

– Откуда ты знаешь?

– По себе знаю. И не только по себе. Старший брат для маленькой сестры – главный авторитет. Главнее, чем родители. Она тебе будет рассказывать о том, о чём не расскажет нам. Родители всё-таки всегда немножко зануды в силу своего возраста... И потом: девочка, у которой есть старший брат, чувствует себя намного защищённее, увереннее.

– Да, я заметил: девчонки всегда хвастают: а у меня есть брат, у меня есть брат!

– Мне всегда не хватало брата. Даже и сейчас, хотя это и странно, может... А когда маленькая была, я его себе придумывала, ждала его, писала ему стихи...

– Ты у нас, мама, вообще романтическая натура. А скажи: почему у Ксюшки разные ушки?

– Понятия не имею. Наверное, Тот, кто лепил эти ушки, никак не мог решить: какое всё-таки лучше?

Мы смеёмся. И – опять вздох:

- И всё-таки ужасная разница в возрасте!
- А у нас с тобой ужасная?
- Ты задумываешься. Пожимаешь плечами:
- Да вроде нет... Я так не ощущаю.
- И я не ощущаю. Так почему же у вас с Ксюней – ужасная? Если у нас с тобой двадцать четыре года, а у вас с ней всего четырнадцать!
- Ну, ладно. Поживём – увидим...

* * *

Первым нас посетил Юрий Михайлович. Наш семейный врач, наш любимый доктор, которого мы между собой ласково зовём – Юмих. Скоро четыре года, как он опекает нас. Уже не просто врач – друг.

...Все долгие и трудные месяцы ожидания Иксика он приходил по первому зову. Снимал боль. Разгонял страхи. Заряжал оптимизмом. Как будто подключал к невидимому, щедро бьющему источнику... И всё это – «мановением руки». Руки у Юмиха замечательные! Они «видят» лучше рентгена. А от ладоней идут лучи горячей энергии!..И – целительнее всяких лекарств – спокойный, ласковый голос: «Посмотрите мне в глаза. Улыбнитесь! Вот так. Всё будет хорошо. Вы меня слышите?»

...Четыре года назад он поднял меня из мучительной безнадёжности, когда казалось: жизнь кончена. Нормальная человеческая жизнь. Каждое движение причиняло боль: трудно было пройти по комнате, не было сил стучать на машинке и даже водить ручкой по бумаге. А голова была как чугунная и давно уже не производила светлых мыслей – только мрачные. Разные врачи ставили мне разнообразные диагнозы, выписывали горы лекарств, но легче от этого не становилось. Становилось хуже.

Была весна. Но она проходила мимо меня: я не знала, выйду ли я когда-нибудь на улицу?.. И вот настало утро, когда я не смогла уже подняться с постели.

Тогда-то мы и позвонили этому доктору. О котором нам сказали: «Доктор уникальный». И предупреждали: «Слишком загружен. По мелочам звонить не стоит».

Но в то утро я сказала Гавру: «Всё. Звони». И на первой же его сбивчивой фразе этот загруженный доктор перебил Гавра: «Говорите ваш адрес. Я выезжаю».

И он действительно приехал. Высокий, большой человек, с нахмуренным, усталым лицом немолодого уже Челентано. Неторопливой походкой тяжелоатлета вошёл в комнату... Меньше всего он был похож на доктора.

Я оробела. «Ну, что тут с вами случилось?» – спросил он сурово, как папаша, который собирается задать трёпку. Я совсем растерялась... Что-то путано, извиняющимся тоном, стала объяснять. Ему было явно скучно слушать меня. Его словно бы даже дремота окутала от скуки. Нетерпеливо перебил: «Ладно! Я лучше сам вам расскажу, что с вами». И – (дремотной скуки как ни бывало!) – пронзил меня взглядом-рентгеном...

Он рассказал всё. Это было невероятно. Он рассказал даже о том, о чём я сама уже не помнила...

А потом – произошло чудо.

В процессе сотворения этого чуда я ощущала себя кубиком Рубика – в жёстких руках, не знающих сомнения. Моё тело, уже столько месяцев не желавшее нормально двигаться, словно бы заржавевшее, – сейчас трещало, хрустело, ломалось, выпадало из одной плоскости в другую... Казалось: ещё чуть-чуть – и конец. Не выдержит сердце.

(Года через два я привыкну к этим поистине цирковым процедурам, но в тот, первый, визит Юмиха было по-настоящему страшно).

«Ну, вот я и поставил их на место, ваши позвонки, – сказал, тяжело переводя дыхание, доктор. – Вставляйте, вставляйте!»

И я – встала. Ошеломлённая тем, что после всего – жива!

«Ещё долго проживёте!» – сказал мой спаситель и... улыбнулся.

Улыбнулся – как будто снял с лица сумрачную маску; и лицо под этой маской оказалось удивительно добрым, даже нежным...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.